

Недоезд

В перерыве после лекции кто-то крепко стиснул плечо Владимиру Казакову. От неожиданности студент остановился, замер и резко обернулся в полной готовности постоять за себя.

— Володя, привет! — тихо и многозначительно почти прошептал ему на ухо его однокурсник Ярослав Маруськин, которого всего месяц назад кооптировали в комитет комсомола института. — Серьёзно поговорить надо.

— Здравствуй, Слава, — дружелюбно улыбнулся в ответ Казаков. — Что-то серьёзное случилось? Помочь надо?

— Потом узнаешь, — так же тихо и многозначительно продолжал Маруськин. — Приходи к двум часам в комитет. Только не опаздывай. Там любят точность.

— Хорошо, приду. А в чём дело? По какому поводу?

— Всё потом, — несколько загадочно проговорил Маруськин, трижды погладил Казакова по спине и исчез.

В комитете Казакова таинственно провели к секретарю по оргвопросам, старшекурснику, который по своему облику и манерам напоминал скорее преподавателя или помощника декана.

Секретарь проникновенно, но строго сообщил Казакову, что его пригласили по очень ответственному и деликатному делу институтского масштаба и поручить его можно лишь ответственному человеку, которому комитет доверяет и который сообщит конфиденциальную информацию только ему.

Суть дела оказалась в следующем. После окончания медицинского института студентка,

круглая отличница в течение всех шести лет обучения, была распределена на работу на остров Сахалин. И вот к ноябрю месяцу стало известно, что молодой врач не приехала, к работе не приступила, и где она находится сейчас и что делает – неизвестно. Такая ситуация определялась грозным словом «недоезд», и по этому поводу уже последовали запросы облздрави в министерство здравоохранения и в институт. Назревают неприятности, скандал. Но институт располагает подмосковным адресом бывшей студентки. Нужно съездить и всё выяснить на месте. Комитет даёт в руки Казакову официальный запрос и берёт на себя ответственность за день пропуска лекций и практических занятий.

Шел ноябрь – в ту пору по-настоящему зимний. Мороз с утра был градусов под тридцать. Москва была завалена сугробами, припорошенными искрящимся белым снегом. На асфальте снег поскрипывал и хрустел под ногами. Мороз крепко пощипывал нос, щёки и уши. У людей при ходьбе изо рта и носа клубился пар, как у лошадей из волшебных русских сказок. А как же красив был подмосковный лес – особенно будто принарядившиеся в вязаные оренбургские платки необхватные горделивые ели!

Казакову разрешили поехать с напарником. Так было солиднее и весомее для дела и для последующей более точной и объективной информации.

Из адреса, которым Казакова снабдили в комитете, следовало, что бывшая студентка института проживала до распределения на территории подмосковной психиатрической больницы в корпусе-общежитии для сотрудников.

Когда Владимир Казаков и его напарник Михаил Кондрагьев на нужной станции сошли с электрички, уже совсем развиднелось, хотя небо было затянуто низкими тёмно-серыми тучами. Из печных труб сельских домов дым поднимался высоко стройными белыми столбами. Путь до больницы оказался недолгим, но студенты успели замёрзнуть, хотя пешком по дороге шли широким размашистым шагом. Охрана на проходной встретила их уважительно, а более молодой и крепкий любезно проводил в располагавшийся недалеко от ворот двухэтажный корпус, прямо в приёмную главного врача.

В приёмной было светло, уютно, просторно, чисто и, главное, тепло. Секретарь внимательно выслушала студентов, извинилась, что придётся подождать, показала вешалку для пальто и шапок и, по-матерински улыбнувшись, сочувственно спросила: «Замёрзли? Чайку хотите? Нет? Серьёзно нет? Тогда посидите, погрейтесь, а как у Петра Аркадьевича закончится совещание с заведующими, я доложу».

Студенты только-только согрелись, как со стола секретаря подал голос мелодичный звонок. Женщина почти автоматически поправила причёску, взглянула на себя в маленькое круглое зеркальце и деловито прошмыгнула за обитую дерматином дверь кабинета главного, оставив её слегка приоткрытой. И хотя секретарь и главный врач говорили, не повышая голоса, студентам всё было слышно. Узнав, в чём дело, главный врач быстро завершил совещание, поинтересовался, есть ли неотложные вопросы, и совсем спокойным тоном спросил заведующих: «Тогда расходимся по местам?»

Из кабинета один за другим стали выходить врачи. Их вышло человек шесть, и все были мужчинами. Каждый дружелюбно протянул руку Казакову и его напарнику, сказал одобряющие слова, пожелал доброго здоровья, успеха, пригласил посетить отделение.

Главврач ещё о чём-то тихо поговорил с секретарём и вместе с нею вышел к студентам. Он широким жестом гостеприимного хозяина пригласил их к себе в хорошо освещённый просторный кабинет.

Было что-то широкое, русское, доброжелательное и неспешное как во внешности этого человека, так и в уважительной манере выслушивать собеседника, не перебивая. Выслушав гостей, он вступил в беседу не сразу. Сначала подумал, постукивая лежащую на столе папку пальцами левой кисти, склонил голову влево, вправо, почмокал губами, несколько раз пригладил голову правой рукой, улыбнулся и начал так: «Понимаете, коллеги, я Наденьку Ковшову знаю много-много лет. Её родители работали в нашей больнице больше десяти лет. Отец – садовником, а мать – санитаркой. Своего жилья у них никогда не было. Жили трудно, нуждались. Это сейчас у нас построен тёплый кирпичный корпус для сотрудников, но всё равно это общежитие. А раньше они ютились то в холодном хозяйственном сарайчике, то в продуваемом насквозь летнем домике садовника. Отец Нади – фронтовик. Сейчас он – инвалид первой группы. Мать – уже пенсионерка, инвалид второй группы. Наде досталась суровая школа. Она ещё совсем девчонкой-школьницей помогала и отцу, и матери, а потом, сколько помню, и училась, и работала. Была у нас санитаркой, медсестрой, поступила в институт и совмещала учёбу с дежурствами. Дисциплинированная девушка. И такой в ней негибачый стержень заложен со стремлением учиться и обязательно стать врачом! Вы же сами сказали: все шесть лет круглая отличница!

Знаете, разговор между нами, но, с моей точки зрения, комиссия погорячилась, распределив её на Сахалин. Родители с ней не поедут. Нет у них на это ни физических сил, ни денег, да и займы взять не у кого... Бросить отца и мать и увистеть одной? Нет, Наденька не тот человек... А не подписать распределение – значит лишиться мечты, не получить диплом, не стать врачом. Представляю, как она мучилась, страдала, как её сердце разрывалось на части. У других выпускников перед работой отпуск был, многие отдыхали в Подмоскowie, а некоторые и на юг махнули, к Чёрному морю – поплавать, позагорать, покататься в моторной лодке, попить винца, поесть шашлыков, пофлиртовать с молодыми мужчинами. А у неё, бедной, денег не было даже на новое платье. Она была обязана накормить, напоить, одеть, обуть своих родителей и себя. Какие уж тут каникулы!

Вот получила она свой диплом и на второй день ни жива, ни мертва пришла советоваться. Ко мне пришла.

Выслушал я её и говорю: «У тебя трудовая книжка на руках?»

– Нет, – говорит. – У вас, в отделе кадров больницы.

– Ты после распределения не увольнялась?

– Нет.

– Тебя заведующий отделением собирался уволить?

– За что?

– За халатность, за проступки какие-нибудь.

– Да что вы, Пётр Аркадьевич, – говорит. – Меня, если честно, ещё трое заведующих агитировали после диплома пойти работать к ним, но разве можно так нечестно, за глаза, бросить отделение Валентина Дмитриевича? А коллектив у нас какой доброжелательный! Сколько раз меня старшая сестра выручала с графиком работы! А Верочка и Люба в течение всего моего шестого курса приходили сменить меня после ночи на полтора часа раньше. Только бы в Москву к началу занятий в институте не опоздала. Ой, Пётр Аркадьевич, как же я таких людей брошу?

– А что думаешь сейчас делать? В отпуск пойдёшь?

– Пётр Аркадьевич, можно я денька три отосплюсь, а потом снова включусь в работу? Теперь я птица свободная, сама могу кого нужно подменить или выручить. А болтаться без дела я не умею. По-моему, это самое скучное занятие.

– Хорошо, Надя. Ой, прости. Ты у нас теперь дипломированный врач, а значит Ковшова Надежда Ивановна.

– Пётр Аркадьевич, не привыкла я как-то ещё...

– Привыкай. К уважению. К большей ответственности.

– Вот вы говорите об ответственности. А мне к сентябрю нужно уехать от вас. Меня на Сахалин распределили.

– Ну, распределили. А тебе, что же, ехать не хочется?

– Пётр Аркадьевич, я не знаю, как поступить. Не поехать я не могу. За это по головке не погладят. Сокурсницы говорили, что могут быть очень крупные неприятности. Могут и диплома лишить, а могут – ой, даже подумать страшно! – привлечь к уголовной ответственности. Что и в том, и в другом случае будет с родителями, мне и представить страшно. Они этого не перенесут. Ведь и умереть могут!

– Надежда Ивановна, успокойся, не нервничай. Ты врачом в нашем коллективе выросла? В нашем. Я тебе выговоры выносил? Нет. Ты у нас сколько работаешь?

– Да почти девять лет.

– Я тебя увольнял?

– Нет.

– Мне никто прямого указания отчислить тебя из штата не давал? Нет. Ты ведь собираешься работать, а не гулять или без дела болтаться?

– Да.

– Так, прости, мне в такой огромной больнице самому хорошие работники нужны. Иди три дня отсыпайся, а потом за работу, теперь уже в новом качестве. И меньше светись. Ни в институт, ни в министерство ездить не надо, к юристам и к сокурсникам за консультацией не бегай. В стране столько хлопот с плохими людьми, что до хороших часто руки просто не доходят. Не ссорься с людьми, не ездь зайцем в электричке, не носи короткие юбки, не купайся в нашем пруду голой и не выставляй на пляже очень уж откровенно свои молодые женские прелести.

– Пётр Аркадьевич, вы смеётесь надо мной?

– Нет, отмечаю объективно, как врач и как нестарый мужчина...

– Пётр Аркадьевич, вы меня совсем в краску вогнали...

– Да, вогнал. Знаю. Но вам, уважаемая Надежда Ивановна, румянец к лицу и очень вас украшает.

– Пётр Аркадьевич, так вы не возражаете, если я продолжу работать в нашей, (ой, простите!) в вашей больнице?

– Нет, не возражаю, наоборот хочу этого и поддерживаю это твоё желание.

– А потом как?

– А это уже не твоя забота. Об этом теперь будет болеть голова у меня, у комиссии по распределению, у Московского и Сахалинского облздравов, у министерства здравоохранения, у юристов-консультантов всех этих учреждений. В твоих действиях злого умысла нанести ущерб государству и состава преступления нет. Знал и знаю, что людей отзывчивых, хороших и умных больше, чем плохих. Или в конце концов забудут про тебя, или разберутся по

справедливости. А мы трудолюбивых и дисциплинированных работников в обиду не дадим. Надо будет, и нашего депутата подключим.

– Спасибо вам, Пётр Аркадьевич, и от меня, и от папы с мамой.

– Передай им от меня поклон. Молодцы они: хорошую дочь и достойного врача вырастили.

«Вот так она в нашей больнице и осталась, и в должности врача-психиатра уже пятый месяц после получения диплома работает. Отец и мать живы, скрипят, требуют постоянного присмотра и помощи, но как же они радуются за судьбу дочери!»

После такой откровенной беседы и Казаков, и Кондратьев в том же кабинете главного врача быстро написали справку, которую им предстояло представить комитету комсомола института. Писали они её с полной уверенностью, что умные люди разберутся и поступят правильно. Когда официальная часть была закончена, главный врач дал команду своему секретарю. Две полные русские красавицы в белых кокошниках и таких же белых наглаженных и хрустящих фартуках внесли подносы с вкусно пахнущими свежесдобитыми пирожками и бутербродами с красной рыбой, колбасой, сыром, вазой с конфетами.

Главный врач не торопил гостей, умело вёл непринужденную беседу на самые разные темы, угощал и сам на равных вкусно и аппетитно завтракал. Общение за едой продолжалось не больше получаса. Потом все дружно мыли руки, вытирали их вафельными полотенцами, поданными каждому участнику застолья индивидуально. Справедливости ради следует заметить, что подобное мероприятие было проведено и до завтрака.

А потом главный врач соблазнил гостей показом всей больницы. Для студентов-второкурсников это было необычно и загадочно. Дело в том, что к больным в клинику студенты-медики приходят только с третьего курса, а до психиатрии добираются ещё позже – на курсе пятом-шестом. Конечно, ни Казаков, ни Кондратьев от такого предложения отказаться не могли. Огонёк интереса к познанию неизведанного и не совсем понятного засветился в их глазах, как у Шерлока Холмса и доктора Ватсона, взявшихся раскрыть новое загадочное дело.

Главный врач вызвал в кабинет своего заместителя по лечебной работе.

– Иван Сергеевич, вот у нас молодые гости, будущие врачи. Их прислали по поводу Ковшовой. Я им всё откровенно обрисовал. Справку они составили в моём присутствии. Получилось, по-моему, кратко, правдиво, убедительно. Мне сейчас в пятый корпус нужно отойти. С прорабом встреча назначена. По поводу пристройки и ремонта. Отложить это дело не могу. А вот молодым людям посмотреть больницу, познакомиться с психиатрией интересно. Да и никто лучше тебя о больнице, о пациентах, об особенностях нашей профессии не расскажет. Будь добр, отложи дела и удели коллегам время. Может быть, кто-нибудь из них вырастет в будущих Корсакова или Ганнушкина...

– Всё понял, Пётр Аркадьевич. Сделаю.

Иван Сергеевич оказался влюблённым в свою профессию тонким врачом и, конечно, очень талантливым педагогом. Он ничего не скрывал, показывал и самых курьёзных больных, но его демонстрация не выглядела грубым и пошлым анекдотом, в его объяснении постоянно звучало, что мы имеем дело с несчастным страдающим человеком, которого только болезнь и смогла загнать в положение смешного оратора, наукообразного шута, «смелой», «обворожительной» актрисы оперетты, цирка, балета, эротического кино. За

внешне нелепым, экстравагантным поведением как мужчин, так и женщин болезнь скрывала и прятала болеющую, страдающую, истерзанную душу пациента. Иван Сергеевич с уверенностью и убеждением подчёркивал, какими потрясающими возможностями лечения обладает современная психиатрия, способная вернуть несчастного больного к жизни, труду, семье и даже творчеству.

Время пролетело незаметно. Студенты возвращались домой, когда небо почернело и на железнодорожной станции включили яркие осветительные фонари.

Впечатления от посещения больницы были столь ярки и неординарны, что говорить о них, обсуждать откровенно не хотелось.

Когда электропоезд резко сбавил скорость у платформ московского вокзала, Казаков засунул руку в карман пиджака и с радостью убедился, что письмо главврача больницы в комитет комсомола института находится в надёжном месте и завтра оно будет доставлено по назначению.

Прошло много лет, и на одной из конференций, посвящённой проблемам, общим для терапии и психиатрии, в повестке дня Михаил Кондратьев углядел персональный доклад врача-психиатра Н.И. Ковшовой, представлявшей ту самую больницу, в которую так много лет назад по поручению комитета комсомола Кондратьев сопровождал Казакова. Надежда Ивановна сделала блестящий доклад. Ей рукоплескал весь зал. А одежда, причёска, макияж и скромные золотые украшения оратора заставили не отводить глаз от докладчицы почти всю мужскую половину участников конференции.

Кондратьев так обрадовался, увидев и узнав Надежду Ивановну, что долго и мучительно вспоминал имя и отчество главврача этой больницы.

А вот под аплодисменты коллег всё встало на свои места.

– Пётр Аркадьевич! Ну, конечно же, Пётр Аркадьевич! – радостно вспомнил, рассмеялся Кондратьев и начал громко аплодировать во всю ширину своих больших мужских ладоней.

Если целуют руки

Встреча выпускников уже подходила к концу. Была она очень радостной, приподнятой, светлой. Расставаться – ну никак не хотелось! Предложение заглянуть в квартиру к нашему сокурснику и ещё посидеть группой пришлось по душе всем.

Хозяин не суетился. Оказалось, что в его доме и еды, и напитков вдоволь, есть красивая скатерть, рюмки, бокалы, фужеры. Мы привели в порядок причёски, вымыли руки. Сервировка стола заняла совсем немного времени.

Дружно расселись, памятуя студенческие симпатии. И заговорили. Вспоминали любимых преподавателей, первые восхитительные записочки, инициаторами которых были, конечно же, девушки, первые романы и размолвки, трудности с зачётами, наиболее ценные шпаргалки на экзаменах и все те смешные ситуации, в которые каждый из нас обязательно попадал.

Потом пошли откровения о выборе узкой специальности, причём почти у каждого это была неповторимая, а иногда и довольно романтическая история. Хозяин никого не перебивал, подавал удачные весёлые реплики и тепло улыбался откровениям и шуткам других.

Были среди нас и участковые педиатры, и инфекционисты, детские хирург, оториноларинголог и офтальмолог, педиатр-онкогематолог, биохимик. Были ассистенты, доценты и профессора. Работа всех так или иначе была связана с детьми, потому что мы все окончили педиатрический факультет Второго московского медицинского института. И только хозяин дома стал акушером-гинекологом, причём весьма известным и знаменитым.

– Володя, а что тебя побудило выбрать свою специальность? – Красивая Люся, к которой хозяин дома был равнодушен на первых курсах учёбы, задала вопрос в лоб, слегка прищурила свои красивые и озорные глаза и чуть покраснелась.

– Не знаю, – медленно произнёс Владимир и немножко задумался.

– Наверное, после пропедевтики? – не унималась Люся. – Помнишь, как Софья Михайловна учила нас пальпировать животы и аккуратно нащупывать увеличенную печень и селезёнку? Ты тогда лучше всех пальпировал живот одной старушке, а на разборе Софья Михайловна сказала, что у тебя рука мягкая и властная – такая, какая должна быть у акушера-гинеколога...

– Ты это помнишь? – спросил Владимир и благодарно улыбнулся.

Мы переглянулись. На третьем и четвёртом курсе Люся не могла не похвастаться подружкам, как наблюдательна и права оказалась Софья Михайловна. Потом над ней аккуратно подтрунивал весь курс.

– Вы знаете, друзья, – продолжал после некоторой паузы Владимир, – нас ведь очень хорошо готовили в институте. Вот сейчас выдают за откровение вроде бы новую профессию – врач общей практики, или семейный врач. А помните, как мы, студенты педиатрического факультета, обучались по полной программе лечебного факультета и плюс осваивали всю учебную программу педиатрического? Нас первоначально планировали распределять в типовые участковые больницы на 25 коек (10 – терапевтических, 10 – хирургических, 5 – акушерско-гинекологических, да ещё обычную стоматологическую помощь мы должны были оказывать). А педиатр автоматически становился районным педиатром и по вопросам педиатрии должен был консультировать всех врачей в районе.

– Да, точно, именно так и было. Это ещё профессор Гецов Герасим Борисович нас на это настраивал. Помните, как он увлечённо и шутливо говорил, когда нужно было подчеркнуть какую-нибудь важную мысль: «Ге Бе рекомендует...»

– С другой стороны, – продолжал Владимир, – мы уже три курса отучились, а в лекарствах разбирались плохо и даже инъекций делать не умели. Хорошо, что нашему курсу первому (подчеркиваю!) устроили сестринскую практику. Помните, как в 9-й больнице (теперь имени Г.Н. Сперанского) мы учились пеленать детей, делать первые внутримышечные инъекции и даже внутривенные вливания грудным детям в голову?

Но больше всего дала, конечно, врачебная практика после четвёртого курса.

– Это тогда, когда ты со мной рассорился и решил ехать на практику с ребятами из другой группы? – снова выступила Люся.

О, женщины! Вы всегда правы и редко бываете великодушными. Даже через столько лет Люсе было важно публично сообщить группе, кто был истинным виновником их разрыва.

Мы быстро переглянулись с Владимиром и поняли друг друга без слов. Я-то знал, что Люся закрутила феерический роман с другим, но Володя

никогда и никому об этом не рассказывал. Об этом знали только очень наблюдательные друзья.

– Я тогда оказался на практике с ещё тремя парнями, – продолжал Володя. – Одним из них был ты. – Он указал на меня пальцем.

– Да, помню, – подтвердил я.

– Приехали мы в город Щ. Он на другом берегу одной большой реки, где в неё впадает река поменьше, но тоже судоходная, что за двумя огромными мостами – железнодорожным и шоссе́йным. Там, по течению большой реки, километрах в шести от города, только-только отстроили новую больницу. Поселили нас в одноэтажном выбеленном кирпичном доме, где должны были располагаться морг и секционная. Разумеется, в то лето там мы были первыми жителями.

– Не страшно было? – спросила впечатлительная Света.

– Нам было некогда задумываться об этом, – продолжал Володя. – Работы с первых же дней оказалось очень много. Двух ребят с лечебного факультета сразу определили в хирургию, а нас вот (он показал глазами на меня) забрал к себе акушер-гинеколог. Как сейчас помню, фамилия его была Коржов, а звали его Фёдор Петрович. Мы должны были оформлять документацию на рожениц, принимать роды, выхаживать родильниц, работать в гинекологическом отделении, вести амбулаторный приём (иногда в день принимали до 60-70 женщин). Каждому из нас, кроме того, предстояло через сутки дежурить по стационару.

Акушерство мы на четвёртом курсе изучали и сдали весной экзамен, а вот гинекологию осваивали на приёме. Когда с чем-то встречались впервые, что-то не знали, – бежали в отведённое нам жильё и там лихорадочно листали и читали учебник, который за практику незаметно прочитали и по необходимости изучили от начала до конца.

Фёдор Петрович был среднего роста, коренастый, плечистый. Над его округлым лицом с усами вились зачёсанные назад иссиня-чёрные волосы с серебряными подпалинами на висках.

Он был доброжелательным, спокойным, интеллигентным человеком. Говорил коротко и по существу, но с первых же дней показал себя не только широким, общительным хозяином и специалистом в сфере женских проблем, но и весьма требовательным руководителем. В общей сложности он посвятил нам пять суток – учил, спрашивал, водил на обходы в родильный зал и на операции, на амбулаторный приём и приём женщин в стационар. Затем он взял отпуск и отбыл в Сочи. Мы остались одни.

В нашем отделении роды у женщин проходили торжественно. В находившейся по соседству военной части ровно в девять ноль-ноль начиналась форменная орудийная пальба. Там испытывали новую технику, и пилотов в кабине истребителей выстреливали километров на десять в высоту, а далее, уже с этой высоты, они забирались ещё выше, экономя таким образом горючее. Под такой салют наши руки принимали новорождённых мальчишек и девчонок – красных, со сморщенной кожей, обмазанных родовой смазкой и материнской кровью. После того, как матери убеждались, какого пола оказывалась их выношенная кровиночка, они блаженно улыбались, успокаивались и даже радовались салюту.

В один из дней обхода мы убедились, что родившая несколько дней тому назад 23-летняя молодая женщина чувствует себя плохо. У неё поднялась высокая температура, она была очень бледной, губы приобрели фиолетово-синюю

окраску, глаза казались огромными, будто подведёнными тёмной краской, нос заострился. Струйки пота стекали по вискам, по крыльям носа и по шее. Обследовав женщину, мы убедились, что у неё развилось осложнение в виде послеродового эндометрита.

Помню, что мы рьяно взялись лечить её. До хрипоты спорили, что нужно вводить первым и что с чем сочетается и не сочетается. Применяли антибиотики, литическую смесь, капельницы с солевыми растворами и глюкозой, сердечные, дыхательные analeптики. В течение десяти дней мы боролись за здоровье этой женщины очень активно. К счастью, мы одолели болезнь и выписали из больницы и здоровую мать, и здорового ребёнка.

Пока Фёдор Петрович отсутствовал, от больных, санитарок, медсестёр и врачей других отделений мы постепенно узнали его судьбу. Оказалось, что наш доктор был на фронте, воевал, но и там работал в госпитале акушером-гинекологом. Случилось так, что внезапно началось немецкое наступление, был осуществлён неожиданный прорыв. Госпиталь оказался отрезанным от своих, угодил в окружение. Поскольку медперсонал не оставил ни раненых, ни больных, все оказались в плену.

Немцы разобрались, кто есть кто, и заставили Фёдора Петровича работать по своей специальности у них. Профиль пациенток был тот же. Только теперь это были не русские, а немецкие женщины.

Из плена Фёдора Петровича освободили наши войска. Коржовым сразу же заинтересовался «Смерш». В конце концов, за сотрудничество с немцами, Коржов был осуждён и репрессирован на десять лет. В сибирском лагере он тоже был акушером-гинекологом.

После отбытия срока Коржов оказался поражённым в правах. Он не мог жить в центральных и столичных городах, а к Москве не имел права поселиться ближе, чем на 101 километр. Вот так – один, без семьи, без скарба он несколько лет назад появился в городе Щ., где оказалась вакансия по его специальности. Поначалу его очень насторожённо приняли врачи и пациентки. У многих дам было полное неприятие врача-мужчины «по бабичьим делам». Но постепенно, шаг за шагом, ответственным и профессиональным отношением к делу Фёдор Петрович завоевал уважение, авторитет, даже любовь пациенток. За глаза они его называли «Федя-Петя, женский бог», вкладывая в это прозвище озорную доверительность доктору при весьма пикантных ситуациях и бесконечную благодарность его золотым рукам.

Наша практика подходила к концу. Мы уже поработали терапевтами и хирургами. Приближался день отъезда. И вот за несколько дней до него доктор Коржов вернулся из отпуска.

Наверное, нас похвалили за хорошую работу, потому что в один из дней Фёдор Петрович решил пригласить нас двоих к себе домой на прощальный вечер. Жил он один в отдельном доме из четырёх комнат, сплошь заставленных полками с книгами. Такой изумительной библиотеки по всем разделам медицины я больше не видел ни у кого.

В самый последний момент выяснилось, что доктор забыл купить хлеб. До закрытия магазина оставались считанные минуты. Мы ринулись восполнить пробел. Хотя дверь уже закрыли, магическая фраза, что мы пришли купить хлеб для Федя-Петя, позволила нам пройти внутрь.

В зале магазина стоял полумрак. В очереди к продавцу мы оказались четвертьными. Пока стоящие перед нами отоваривались, мы о чём-то заговорили, по-студенчески несколько шумно.

И вдруг, сделав покупки, одна из женщин обернулась, заулыбалась нам, как старым знакомым, подошла, наклонилась и стала молча целовать руки сначала тебе (Владимир указал глазами на меня), а потом мне. Только теперь я узнал эту женщину. Это была та самая наша пациентка, за жизнь которой мы боролись в отсутствие Фёдора Петровича. Я стоял, как вкопанный, боясь пошевелиться. Мне, в общем-то молодому парню, хотя и без пяти минут врачу, таким изумившим меня способом выражала благодарность женщина, молодая мать!

Когда мы вышли из магазина и пошли в дом к Фёдору Петровичу, из открытого окна соседнего дома летела горячая, страстная мелодия. Общая любимица почитателей её таланта в России, Лолита Торрес пела:

«Если руки мне целуя, ты шепнёшь одно лишь слово, жизнь отдам и не спрошу я, для чего тебе она...»

И хотя она исполняла эту песню на испанском языке, перевод был не нужен.

– Разве после всего того, что случилось, я мог выбрать другую специальность? – спросил Владимир. – Если руки мне целуют...

Через много лет я рассказал эту историю в незнакомой компании, где довелось встречать Новый год. История произвела впечатление, а дамы особенно дружно поддержали тост за врачей, которым целуют руки...